

Черноиваненко Е. М.

УДК 821.161.1:001.8“17”

О СПЕЦИФИКЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА ДОПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ И МЕТОДОЛОГИИ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Даже не будучи европоцентристами, мы привыкли считать, что, по крайней мере, в самой Европе национальные литературы развивались в одном направлении. Различия обнаруживаются лишь в темпах развития: одна национальная литература вступала в ту или иную фазу развития несколько раньше, другая – несколько позднее, та или иная фаза могла длиться в данной литературе короче или дольше, оказаться более или менее плодотворной. Но все литературы последовательно прошли через все эти фазы или стадии.

В полной мере это характерно для русского литературоведения, в котором издавна принято соотносить развитие русской литературы с некоей условной схемой общеевропейского литературного процесса. В ходе такого рассмотрения безусловно доминирующим было стремление доказать, что развитие русской литературы соответствовало этой схеме. Примерами тому могут служить, в частности, академическая четырехтомная «История русской литературы», оставшаяся восьмитомной «История всемирной литературы», недавно изданный 4-й том академической «Теории литературы», посвященный литературному процессу. Идеей вполне европейского характера развития русской литературы пронизаны вузовские и школьные учебники, которые, заметим, формируют основополагающие представления и стереотипы касательно русской литературы у каждого нового поколения. В результате именно такого рассмотрения и изложения русской литературной истории мы привыкли считать, что, например, древнерусская литература, берущая свое начало в литературе Киевской Руси, и в московский период продолжает развиваться в общем для всех европейских литератур направлении. Мы привыкли считать, что некоторая замедленность в ее развитии объясняется неблагоприятными обстоятельствами, связанными с татаро-монгольским игом. Мы привыкли считать, что так называемая новая русская литература

конца XVII – начала XIX века была органичным порождением новых социальных и духовных потребностей русской нации. Мы привыкли считать литературу этого периода богатой и значительной, ибо она считалась субстратом для возникновения подлинно великой русской литературы XIX века.

Не продолжая перечень привычных стереотипов, зададимся вопросом: действительно ли развитие русской литературы протекало согласно упомянутой схеме европейского литературного процесса? Как бы мы к этому ни относились, но многочисленные факты ее истории заставляют отрицательно ответить на поставленный вопрос и пересмотреть многие связанные с ней стереотипы. Разумеется, в коротком докладе, адресованном к тому же профессиональным русистам, нет возможности и необходимости детально рассматривать историю русской словесности от Нестора до Пушкина. Позволю себе лишь обратить внимание глубокоуважаемого собрания на некоторые факты биографии русской литературы, вынуждающие переосмыслить характер ее развития.

По мысли С. С. Аверинцева, в истории литературы можно выделить два крупнейших периода: дорефлективного традиционализма и рефлективного. Ученый пишет об этом: «Эллинская классика подготовила и осуществила, а позднеантичный эпиглот этой классики расширил и упрочил всемирно-исторический поворот от дорефлективного традиционализма, характеризовавшего словесную культуру и на дописьменной стадии, и в литературах древнего Ближнего Востока, и у архаических истоков самой греческой литературы, к рефлективному традиционализму, оставшемуся константой литературного развития для средневековья и Возрождения, для барокко и классицизма и окончательно упраздненному лишь победой антитрадиционалистских тенденций индустриальной эпохи. Существо этого поворота в том, что литература осознаёт себя самое и тем самым впервые полагает себя самое именно как литературу, т.е. реальность особого рода, отличную от реальности быта и культуры. К исходу эллинской классики это самоопределение литературы оформилось в рождении поэтики и риторики – литературной теории и литературной критики...» [1, 3]. От рождения риторики и поэтики в истории европейской словесной культуры начинается эпоха риторичности, протянувшаяся от времени Аристотеля до времени Гегеля.

Когда в русской литературе происходит этот переход от эпохи дорефлективного традиционализма к эпохе традиционализма рефлективного? Вскоре после принятия христианства и первого знакомства с памятниками византийской и староболгарской литературы киеворусская культура начинает знакомиться и с трудами по

риторике и поэтике. Свидетельством тому – перевод фрагмента трактата византийца Георгия Хировоска «О образех» в корпусе Изборника 1073 года. Таким образом, уже в киевский период началось движение, результатом которого должен был стать быстрый переход словесной культуры от этапа дорефлективности к этапу рефлексивности. Однако, если говорить о собственно русской литературе (литературе великорусского народа), она еще и через полтысячелетия так и не вступила в эту фазу, не познакомилась более ни с одним трактатом по риторике и поэтике. Создается впечатление, что русская литература в послекиевскую эпоху останавливается в своем развитии приблизительно до середины XVII века.

Это впечатление еще более усиливается, когда мы вспоминаем о том, что в европейской культуре Средневековье сменяется Предвозрождением и Возрождением. Значимость Ренессанса для европейской культурной истории настолько очевидна, что его издавна пытаются отыскать в истории любой страны, претендующей на роль европейской. Не стала исключением и Россия. Подтверждением тому является написанная Л. А. Дмитриевым и помещенная в академической «Истории русской литературы» глава «Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV – середина XV века», а также следующая за ней глава «Литература в период образования единого русского государства. Элементы Возрождения в русской литературе. Середина XV – XVI век», написанная Я. С. Лурье. Идея наличия русской культурной и литературной истории Предвозрождения и Возрождения послужила объектом резкой критики со стороны ученых, являющихся крупнейшими в России знатоками европейского Ренессанса. С. С. Аверинцев отмечал в связи с этим: «Если, например, русский XV в. описывается как «Предвозрождение» (так сказать, «еще не совсем Возрождение»), позволительно спросить, что это значит? Разве не очевидно, что эта эпоха отнюдь не преддверие, не предвосхищение, а полное, исчерпывающее осуществление некоего культурного идеала, самозаконного, самоценного и весьма мало общего имеющего с Ренессансом?» [2, 59]. Л. М. Баткин глубоко сомневался в том, «...стоит ли именовать предвозрождением феномены позднесредневековой культуры в тех странах, где потом не состоялось и не могло состояться Возрождение, например, в России...» [3, 120]. В исследовании, специально посвященном региональным ренессансам, М. Т. Петров писал о русском Возрождении: «... не будучи ни Ренессансом, ни Проторенессансом, так называемое русское Предвозрождение ни по культурному содержанию, ни по функциям, ни по дальнему историческому воздействию ничем ренессансным

или реально предвозрожденческим не обладает» [4, 196]. Еще больше противоречий связано с идеей русского Возрождения, которое даже ее сторонники вынуждены называть «скрытым», «задержанным», «растекшимся». Что стоит за этими и некоторыми другими концепциями? М. Т. Петров недвусмысленно отвечает на этот вопрос: «... за всем этим стоит очень серьезная интеллектуальная и историографическая потребность дать истории русской культуры «свое лицо», которое было бы сопоставимо с европейским лицом, но при этом и не чуждо смотрелось бы в европейском семействе, не теряя национальной индивидуальности и специфичности. И Ренессанс, это осевое время европейской истории, вокруг которого сплелось и переплелось прошлое, будущее и настоящее культуры, Ренессанс, который в России как бы был и как бы не был, теперь призван для того, чтобы придать этому в общем очень своеобразному лицу выражение сопоставимой неповторимости по отношению к Европе. ... Эта очень значимая потребность современной ... российской историографии и культуры не получила и вряд ли на этом пути способна получить адекватное категориальное и концепционное воплощение» [4, 194].

Важно отметить, что Возрождение, с которым в Европе связан процесс секуляризации культуры, было периодом перехода от религиозно-риторического типа литературы к светско-риторическому. Как выглядит на этом фоне русская литература? Нельзя не заметить, что еще в начале XVII века в ней не просто не сложился, но даже не начал сколько-нибудь заметно формироваться светско-риторический тип литературы. Нельзя не заметить, что в русской литературе этого времени все еще не обнаруживается то, что было характерно для европейской литературы эпохи Возрождения, а именно:

- неприятие духовной диктатуры церкви и феодальной идеологии;
- секуляризация содержания произведений;
- глубокий интерес к античности и активное освоение ее опыта;
- утверждение идеи человеческой индивидуальности;
- воплощение этой идеи в развитии форм авторского сознания в литературе и в изображении литературного героя как наделенного чертами индивидуальности;
- проявление в литературе идей ренессансного гуманизма;
- утверждение принципов ренессансного реализма;
- зарождение и развитие психологизма в литературном мышлении;

– развитие новеллы как позднесредневекового городского рассказа;

– развитие романа современного типа.

Ни одного из этих явлений в русской литературе даже рубежа XVI-XVII веков нет. А если так, то как же она развивалась и было ли вообще движение в русском литературном процессе эпохи Средневековья? Вопрос не праздный, ибо, даже по мнению Д. С. Лихачева – убежденного сторонника идеи европейского характера развития русской литературы, – русский литературный процесс этой эпохи «трудно уловим и определим». И если это движение было, то в каком направлении?

На вопрос о развитии русской литературы в московский период различные русские мыслители в разные времена отвечали по-разному. Г. П. Федотов считал, что послекиевский период был в ее истории периодом регресса: «Уже не сказать ей (русской литературе – Е. Ч.) «Слова о полку Игореве», не составить «Повести временных лет». От новгородско-московских столетий нам осталась почти одна публицистика, отрывочный младенческий лепет, который говорит лишь об усилиях осознать новый смысл или, чаще всего, недуги государственного и церковного бытия. Не умножился скудный запас книг, спасенных в киевском разоренье. И еще дальше отодвинулся культурный мир, священная земля Греции и Рима с погребенными в ней кладами» [5, 76].

Академик Д. С. Лихачев придерживается противоположной точки зрения. При этом, ведя речь о смене стилей эпох в древнерусской литературе, он отмечает, что во 2-й половине XVI века в ней «... все интенсивнее сказывается официальная струя. Наступает пора «второго монументализма»: традиционные формы литературы доминируют и подавляют индивидуальное начало в литературе и развитие беллетристичности» [6, 15]. В этой характеристике обращает на себя внимание даже не то, что называются явления, откровенно антиренессансные, важнее другое: во 2-й половине XVI века русская литература приходит к монументализму, с которого, согласно концепции Д. С. Лихачева, когда-то началось ее развитие.

Но для того, чтобы вернуться, нужно сначала уйти. Когда же был в истории русской средневековой литературы период прогрессивного развития? Думаю, на этот вопрос есть только один ответ: это период конца XIV-XV века, издавна известный нам под названием периода второго южнославянского влияния. Не считая необходимым характеризовать его перед аудиторией специалистов, хочу обратить внимание на два аспекта его значимости в контексте обсуждаемой проблемы. Во-первых, этот период приходится на

время татаро-монгольского ига. Таким образом, свой расцвет русская литература переживает во время, с которым традиционно связывается едва ли не все негативное в русской средневековой истории. Примечательно, что позднее, когда, как несколько удивленно писал В. О. Ключевский, «само собою, без бою, при татарском же содействии, свалилось с плеч ордынское иго...» [7, 115], русская литература вступает в фазу затяжного кризиса. Во-вторых, период расцвета русской словесности связан с оживлением ее контактов с литературами других народов. Даже контакты лишь с литературами единоверных южных славян способствовали ее интенсивному развитию. Так было и в киевский период, так будет и позднее, начиная с середины XVII века. Но как только русская культура и литература, по выражению Андрея Курбского, затворялись, это неминуемо оборачивалось их регрессом.

Исходя из сказанного, общую схему движения русского литературного процесса в эпоху Средневековья можно охарактеризовать так: интенсивное развитие в киеворусский период – замедление и остановка, связанные с уходом из Киева – вновь интенсивное развитие в период второго южнославянского влияния – замедление, остановка и регресс (выразившийся в возврате к монументальному стилю). Литературный процесс эпохи Средневековья и в Европе характеризовался замедленностью в сравнении с литературным развитием в Новое время. Но русский литературный процесс оказывается куда более замедленным: смена в нем периодов прогресса и регресса порождает общее впечатление не просто замедленности, но статичности, впечатление не процесса, а состояния.

Если русский литературный процесс эпохи Средневековья удивляет своей статичностью, то в следующую эпоху – середины XVII-начала XIX века – он поражает тем, что кажется совершенно не обусловленным социальным развитием России. Наиболее четко этот парадокс сформулировал и наиболее последовательно пытался его разрешить В. В. Кожин в ряде своих статей 70-80-х годов. По мнению ученого, в России XVIII века не было никаких социально-исторических предпосылок для зарождения барокко, классицизма, сентиментализма, просветительского реализма, романтизма. В статье «О принципах построения истории литературы» он писал: «... неужели можно всерьез говорить об объективных предпосылках просветительства в русской жизни XVIII века? Ведь реальной почвой просветительства в Западной Европе было сознательное движение «третьего сословия», направленное против феодализма или его пережитков; то же самое следует сказать и о сентиментализме. Между тем в России XVIII века, конечно же,

не было ничего подобного. Далее, романтизм повсюду выступил как «реакция» на просветительство, идеалы которого не осуществились. Разумеется, в России начала XIX века эта историческая ситуация даже и не намечалась. Словом, совершенно непонятно: как могли сложиться в России XVIII – начала XIX века вполне «беспочвенные» просветительство, сентиментализм, романтизм?» [8, 410]. Следуя логике, В. В. Кожинов приходит к выводу о том, что названных направлений в русской литературе обозначенного периода не было и быть не могло, а появились они в ней лишь в послепушкинскую эпоху. Идея ученого не нашла сколько-нибудь широкой поддержки у его коллег, хотя опровергнуть его посылку о «беспочвенности» направлений в литературе XVIII – начала XIX века так никому и не удалось.

Мне уже приходилось говорить и писать об отмеченном В. В. Кожиновым парадоксе. Поэтому, дабы не слишком повторяться, напомним лишь о том, что достаточно исчерпывающие ответы на поставленные им вопросы можно найти в работах В. Г. Белинского. «Начало и развитие русской литературы, – писал критик, – совершенно особенное, не имеющее себе примера ни в одной литературе мира, так же как и развитие русского народа» [9, 464]. Особенность эта заключается в том, что «русская литература есть не туземное, а пересаженное растение. Это обстоятельство дает особенный характер ей самой и ее истории; не понять этого обстоятельства, или не обратить на него всего внимания, значит не понять ни русской литературы, ни ее истории» [10, 107]. По мысли Белинского, не только литература, но вся культура русско-го «общества» в эту эпоху была подражательной, заимствованной, лишенной национальных корней и национального содержания. Нужно ли удивляться, что таким же характером отличалась и русская литература? «...Поддельный, искусственный европеизм России, созданный реформой Петра Великого, действительно может казаться не более, как внешнею формою без внутреннего содержания. Но разве нельзя того же самого сказать о всех поэтических и ораторских опытах Ломоносова?» – спрашивает критик [11, 9]. Наконец, еще одна цитата. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский отмечает: «Если бы нас спросили, в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностию, в большей и большей близости к зрелости и возмужалости. Само собою разумеется, что подобная характеристика может относиться только к литературе недавней, молодой и притом возникшей не самобытно, а вследствие подражательности. Самобытная литература зреет веками, и эпоха ее зрелости есть в

то же время и эпоха числительного богатства ее замечательных произведений... Этого нельзя сказать о русской литературе. Ее история, как и история самой России, не похожа на историю никакой другой литературы. И потому она представляет собою зрелище единственное, исключительное, которое тотчас делается странным, непонятным, почти бессмысленным, как скоро на нее будут смотреть, как на всякую другую европейскую литературу» [11, 7-8].

Итак, прав В. В. Кожинов: социальной почвы для зарождения и развития в русской литературе обозначенного периода барокко, классицизма, сентиментализма, просветительского реализма, романтизма не было. Но сказанное вовсе не означает, что не было самих этих направлений – они существовали как явления, порожденные заимствованием, трансплантацией, как известно, не первой в истории русской литературы. Отсюда – диффузность русского литературного процесса 2-й половины XVIII – начала XIX века: названные направления развиваются не последовательно, а почти одновременно, наслаиваясь и перемешиваясь. Как не раз отмечали исследователи, черты разных направлений нередко проявляются даже в рамках одного произведения. Отсюда же – и то, что Белинский обозначил, как отсутствие всемирно-исторического значения русской литературы этого времени, т.е. сколько-нибудь существенной значимости в контексте, скажем, европейской литературы. Подражательная литература не могла быть великой. Наверное, именно поэтому свою незавершенную статью о русской литературе XVIII века Пушкин озаглавил не иначе, как «О ничтожестве литературы русской».

Таковы, на наш взгляд, главные черты своеобразия русского литературного процесса допушкинского периода. Сказанное позволяет увидеть, что развитие русской литературы – это, действительно, говоря словами Белинского, зрелище единственное и исключительное, слишком многим резко отличающееся от того, которое мы привыкли считать европейским. Означает ли это, что нам следует отказаться от соотнесения развития русской литературы с развитием других литератур Европы или с некоей условной схемой европейского литературного развития? Думается, делать этого не следует, ибо все познается в сравнении, тем более – своеобразии. Но при этом нужно освободиться от стремления утвердить «европейскость» русской литературы, как вообще стоит освободиться от комплиментарного понимания этой самой «европейскости». Русскому человеку сделать это чрезвычайно трудно, ибо для русского культурного сознания стремление доказать свою полную правовую принадлежность к Европе давно стало своеобразным

комплексом, в жертву которому часто приносятся и очевидные факты, например, из истории литературы. Здесь должна сказать свое слово зарубежная русистика, в значительно большей мере свободная от этого комплекса. Важно лишь не заменить при этом один комплекс на какой-либо иной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. – М.: Наука, 1981. – С. 3-14.

2. *Аверинцев С. С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 13-75.

3. *Баткин Л. М.* Замечания о границах Возрождения // Сов.искусствознание. 1978. – М.: Искусство, 1979. – № 2. – С. 96-128.

4. *Петров М. Т.* Проблема Возрождения в советской науке. Спорные вопросы региональных ренессансов. – Л.: Наука, 1989. – 241 с.

5. *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избр. статьи по философии рус. истории и культуры: В 2-х т. – СПб.: София, 1992. – Т.1. – С. 66-101.

6. *Лихачев Д. С.* Своеобразие исторического пути русской литературы X-первой четверти XVIII в. // История русской литературы: В 4-х т. – Л.: Наука, 1980. – Т.1. – С. 11-18.

7. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч.2. Лекция XXVI // Ключевский В. О. Соч.: В 9-ти т. – М.: Мысль, 1988. – Т.2. – С. 112-129.

8. *Кожин В. В.* О принципах построения истории литературы // Кожин В. В. Размышления о русской литературе. – М.: Современник, 1991.

9. *Белинский В. Г.* Общее значение слова литература // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. V. – С. 620-653.

10. *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья первая // Там же. – Т. VII. – С. 99-131.

11. *Белинский В. Г.* Взгляд на русскую литературу 1846 года // Там же. – Т. X. – С. 7-50.